

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-139-159

АГЕНТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ

Стрижак Ульяна Петровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,

ustrizhak@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Аннотация. Объектом данной работы выступают агентивные отношения как результат моделирования в языке онтологических установок, актуальных для понимания природы поведения человека в качестве субъекта социальных процессов. Предметом работы являются агентивные признаки участников ситуации в их соотносительности с совокупностью характеристик, отображающих деятельностный потенциал человеческой личности. Анализ степени разработанности теории агентивности в трудах отечественных и зарубежных лингвистов показывает, что основные дискуссионные моменты, обсуждаемые в грамматических описаниях агентивных структур, во многом отражают вопросы повседневного существования человека. Объективация этих бытийных отношений в рамках языковых агентивных структур побуждает выстраивать высказывание определенным образом, исходя из соответствующих онтологических допущений о том, *что* и *как* устроено в реальном мире, а также дает возможность измерить степень выраженности деятельностных признаков лингвистическими инструментами. На основе методологического положения об изоморфизме устройства мира и языковых структур рассматривается онтологическая сущность семантической категории агентивности и анализируется прототип агента как активного субъекта социальных процессов в различных сферах научного знания и общественной жизни: в политологическом, психологическом, юридическом, религиозном, образовательном и иных дискурсах. В исследовании обосновывается, что онтологическую основу агентивных свойств составляет личностно-деятельностный потенциал агента как референта языкового знака, проявляемый им в реальном мире. Цели работы: выделение, систематизация и иерархизация агентивных признаков каузальности, автономности, волеизъявления и индивидуализированности. На материале японского языка будет проиллюстрирована неоднозначность семантики воздействия в структуре предикатов агентивных конструкций, а также неоднородность комбинаций агентивных признаков их участников.

Ключевые слова: агентивность, агентность, онтологическая сущность, каузальность, волеитивность, одушевленность.

Для цитирования: Стрижак, У. П. (2025). Агентивность как семантическая категория: онтологическая сущность языковой структуры. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(58), 139–159. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-139-159>

Original article

UDC 81'37

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-258-139-159

AGENTIVITY AS A SEMANTIC CATEGORY: THE ONTOLOGICAL ESSENCE OF LANGUAGE STRUCTURE

Uliana P. Strizhak

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
ustrizhak@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Abstract. The nature of human behavior as a subject of social processes. The subject of this work is the agentive features of participants studied by their correlation with a set of characteristics that reflect the activity potential of a human personality. The research background of the agentivity theory demonstrates that the main controversial points discussed in grammatical descriptions of agentive structures largely reflect issues of everyday human existence. Objectification of these existential relations within linguistic agentive structures leads to construct an utterance in a certain way which is based on the corresponding ontological assumptions about what and how is arranged in the real world. It also makes it possible to measure the activity features with linguistic tools. Based on the methodological statement of the isomorphism of the real world structure and language structures, the ontological essence of the semantic category of agentivity is considered and the agent prototype in various spheres of scientific and public life is analyzed: in political science, psychology, law, religion, education and other discourses. It is substantiated that the ontological basis of agentive properties is the personal and activity potential of the agent as a referent of a linguistic sign. The purpose of this paper is to identify, to systematize and to hierarchize the agentive features of causality, autonomy, volition and individualization. Based on the examples from Japanese texts the ambiguity of the effect semantics in the structure of agentive predicates, as well as the heterogeneity of agentive features of their participants will be illustrated.

Keywords: agentivity, agency, ontological essence, causality, volition, animacy.

For citation: Strizhak, U. P. (2025). Agentivity as a semantic category: the ontological essence of language structure. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(58), 139–159. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-258-139-159>

Постановка вопроса

Появление понятия агентивности в лингвистической теории относят к концу 60-х годов XX века; впервые проблема агентивности системно была обозначена в 1973 году в работе Д. Круза, в которой отмечается вариативность интерпретации термина «агентивный» как с точки зрения его формальной отнесенности к элементам высказывания (он приписывается падежу у Ч. Филлмора, глаголам у Дж. Грубера, именам у Дж. Лайонза, отдельным клаузам у М. Халидея), так и в отношении семантической наполненности

соответствующих аргументов (Cruse, 1973, p. 11). В определении агентивного падежа у Ч. Филлмора описаны следующие прототипические признаки агентивности глагольного аргумента: одушевленность, обладание восприятием, способность выступать инициатором события, определяемая далее в данной работе как *причинность* или *каузальность* (Fillmore, 1968, p. 24). В продолжении своего исследования Ч. Филлмор вводит понятие иерархии выделенности для ранжирования ядерных элементов высказывания, добавляет признак вовлеченности — «измененный элемент выше по рангу, чем неизмененный элемент» (Fillmore, 1968, p. 105) и другие критерии, определяющие перемещение фокуса внимания; при этом он сохраняет первичность такого признака, как способность инициировать или выступить причиной действия (Филлмор, 1983, с. 103–105). Б. Комри в описании семантики синтаксических структур придает большое значение одушевленности, практически уравнивая ее с агентивностью в формулировке «иерархии одушевленности (агентивности)», связанной с большей или меньшей степенью выраженности данного признака (Comrie, 1978, p. 385–386). Д. Круз относит *волиитивность* и способность выступать *инициатором действия* к любому субъекту, а другие два признака разделяет по критерию одушевленности: *агентивность* (*agentive*) приписывает живым существам, использующим собственную энергию для выполнения действия, а также некоторым видам механизмов и природным силам; а способность к *воздействию* (*effective* как ‘оказывать эффект’. — У. С.) с использованием временного и/или внешнего источника энергии — всем остальным (Cruse, 1973, p. 18–21).

Последующее рассмотрение этих аспектов подтвердило сложность выделения и типологизации агентивных признаков. Так, П. Хоппер и С. Томпсон в определении агентивности как одного из семантических параметров переходности различают высокую ее степень как потенциал для создания реально ощущаемого события с соответствующими последствиями «a perceptible event with perceptible consequences», и низкую, при которой затронутость участников ограничивается только их внутренними ощущениями «completely a matter of an internal state» (Hopper & Thompson, 1980, p. 252), подчеркивая, таким образом, значимость признаков осознанности и каузальности, обуславливающей наличие последствий совершаемого действия и тем самым актуализирующей сему причинности. Дж. Лакофф в 1981 году представил свою модель прототипической агентивной конструкции, выделив в ней четырнадцать ключевых признаков, что является наиболее детальным описанием на сегодняшний день: это должно быть намеренное и управляемое действие, в результате которого происходит изменение состояния; агент несет ответственность за происходящее и использует некий инструмент (в том числе это может быть свое тело); имеется источник и объект энергетических затрат, требуемых для осуществления изменения; эти изменения наблюдаемы (Лакофф, 1981, с. 358). Указание на прототипичность у Дж. Лакоффа допускает возможные исключения из этого максимального набора признаков и/или неполную их представленность. Примерно в то же время С. ДеЛэнси также озвучивает методологический принцип необязательности

полного набора агентивных характеристик и в качестве доказательства приводит пример неконтролируемого и ненамеренного действия при наличии остальных характеристик агенса: «Субъекты переходных глаголов типа *разбивать* или *терять*, при их одушевленности и способности к волеизъявлению совершают такое действие непреднамеренно» (DeLancey, 1984, p. 181), а в качестве главного критерия агентивности выделяет каузальный фактор; то же в работах (Schlesinger, 1989) и (DeLancey, 1990, p. 144), где признаки волитивности, целеполагания и т. д. указаны как вторичные, уточняющие характеристики действия, вызванного определенной причиной, а «в основе агентивности лежит причинность» (DeLancey, 1984, p. 182).

В отечественном языкознании, как отмечают Е. В. Рахилина и Я. Г. Тестелец, примерно в тот же период, в конце 60-х годов XX века, и, по-видимому, независимо от западных коллег, также разрабатывается аппарат тематических ролей, описываемый в том числе степенью выраженности агентивных характеристик — основы этого направления были заложены Ю. Д. Апресяном в 1968 году и В. Г. Гаком в 1969 году (Рахилина, Тестелец, 2016, с. 10) и развивались далее в контексте аспектуальной семантики в трудах Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, Е. В. Падучевой, О. Н. Селиверстовой, О. А. Сулеймановой, Н. Н. Болдырева, Е. В. Рахилиной, В. А. Плунгяна, П. М. Аркадьева, С. Г. Татевосова, Я. Г. Тестельца, А. В. Циммерлинга, Е. М. Поздняковой, Ю. П. Князева, М. А. Фоминой и других авторов. В отечественном лингвистическом дискурсе агентивность понимается как семантическая категория или семантический параметр, во многом определяющие принципы распределения актантных ролей, семную и ролевую структуры предиката и т. д.: агентивные характеристики значимы для грамматического описания аспектуальности, залоговости, посессивности, вопросов глагольной принадлежности и сочетаемости, словообразовательных процессов и т. д. Показательно, что в отечественном дискурсе также подчеркивается значимость признака каузальности: «прототипом агентивных отношений в реальной действительности, несомненно, остается интерактивное отношение деятеля, действия и объекта действия (Позднякова, 2017, с. 103); но при этом в определении набора агентивных характеристик единства нет. А. Е. Кибрик описывает агенса как типовую семантическую характеристику (или роль) такого участника ситуации, который является одушевленным, намеренно инициирует процесс воздействия, «контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является “источником энергии” этого действия» (ЛЭС, 1990). А. В. Бондарко в качестве доминирующего образца или прототипа агентивных конструкций обозначает «лицо, осуществляющее контролируемое действие» (Бондарко, 1992, с. 14). Т. Д. Шабанова указывает на сложность агентивной семантической роли и уделяет большое внимание вопросам контроля и разработки тестов на императивность, инициативность и другие совокупности свойств для определения степени проявления волеизъявления (Шабанова, 1998, с. 30–42, 63–66). О. А. Сулейманова выделяет и анализирует несколько аспектов субъектности

участников ситуации, связанных с представлением об агентивности: степень приложения усилий, сознательность выполнения действия и контролируемость (Сулейманова, 2000, с. 85–94). Н. Н. Болдырев предлагает перечень из шести прототипических признаков субъекта-агенса: одушевленность, энергетическую активность, волитивность, каузативность, контролируемость и креативность предикатного признака (Болдырев, 2003, с. 63–64). В. А. Плунгян отмечает, что доминирующим агентивным признаком является контролируемость, а остальные могут присутствовать в ограниченной степени. выделяя следующие семантические характеристики агенса: «активный, обычно наделенный волей и сознанием участник ситуации, расходующий собственную энергию в процессе деятельности и контролирующей ход событий» (Плунгян, 2011, с. 161–162). Важность учета контроля и вовлеченности в описании каузальных отношений подчеркивает и Я. Г. Тестелец, причем в отношении не только главных участников ситуации, но и второстепенных — агентивных дополнений и обстоятельств (Тестелец, 2003, с. 16–21). Н. Д. Арутюнова особо указывает на роль намеренности как одной из ведущих агентивных характеристик: «В той степени, в какой глагол способен обозначать целенаправленное действие, он получает собственно агентивное значение» (Арутюнова, 1976, с. 152). О. Н. Селиверстова подчеркивает, что истинным субъектом действия является тот, от чьей воли и усилий зависит данное действие (Селиверстова, 1990, с. 18–19). Е. В. Падучева обозначает намеренность как главный обязательный признак агенса, отмечая внутреннюю противоречивость одного из терминов Д. Даути *non-intentional agentive* «ненамеренная агентивность» (Падучева, 2003, с. 194). Если же принять за ведущий агентивный признак каузальность как наличие воздействия на второго участника ситуации, выражаемое в переносе энергии и приводящее к его изменению, а намеренность причислить к опциональным признакам, то данное противоречие снимается — каузативный процесс может быть запущен ненамеренно. М. А. Фомина подчеркивает роль волеизъявления в определении (не)агентивности стихийных каузаторов (Фомина, 2022). Е. В. Устинова обозначает агентивность как функционально-семантическое поле и указывает на свойственность ему таких характеристик, как волитивность, контроль, ответственность и способность заряжать энергией (Устинова, 2007, с. 16–17). Ю. П. Князев на материале русских глаголов выстраивает шкалу агентивности, опираясь на такой набор свойств, как намеренность, каузальность, контроль, источник энергии (Князев, 2016). Видно, что в описанном научном поле понимание агентивности, ее категориального представления и ключевых признаков разнится, что обуславливает необходимость дальнейшей систематизации, выделения и иерархизации прототипических характеристик агентивной ситуации.

Исходя из положения Л. Витгенштейна об изоморфизме устройства мира и языковых структур, можно понимать, что элементы реальности и элементы языка онтологически соположены друг другу: «Существование внутреннего отношения между возможными положениями вещей выражается в языке внутренним отношением между предложениями, которые их изображают»

(Витгенштейн, 2020, с. 51). Его определение предложения как модели действительности побуждает нас рассмотреть понятия *агент/агентность* и тем самым обратиться к онтологическим предпосылкам возникновения и становления теории агентивности: рассмотреть агентивные отношения как результат моделирования в языке жизненных установок, актуальных для понимания поведения человека как субъекта социальных процессов.

Онтологические предпосылки теории агентивности: понятие агентности в научном дискурсе и сферах общественной жизни

Понятие *agency* получило свое динамичное развитие в 70-х годах XX века в социальных науках в связи с популярностью теории социального пространства П. Бурдье (1977) и теории социального действия Э. Гидденса (1979), осмысливающих взаимореализацию *структуры* и *агента* — проблема определения роли человека как социального актора рассматривалась в контексте алгоритмов встраивания индивидуального действия в жесткие социальные структуры. Актуальными дискуссионными моментами стали и по сей день являются феномен *воли* как каузального компонента действия, который ненаблюдаем и трудно фиксируем как точка отсчета действия; способность человека инициировать собственное поведение и встраивать его в существующие общественные установки; определение границ ответственности инициатора действия, включая принцип свободной воли¹, который определяет лишь первичную ответственность инициатора действия с последующим случайным порождением/выбором аргументов, нейтрализующим функцию контроля агента в процессе принятия решения, и т. д. Исходя из этого *агентность* можно определить как способ экстернализации человеческих установок, определяющих его поведение, в которых объективируется воля, намеренность, контроль, самостоятельность и другие трудноформализуемые личностные характеристики. Рассмотрим последовательно примеры из разных областей научного знания и сфер общественной жизни.

Как было сказано ранее, агентность как **социологическая** категория описывает деятельностный потенциал человека и его позиционирование в социуме, акцентируя проблему воли, определяющей свободу и осознанность выбора человека, его самостоятельность и моральную ответственность. Человек как субъект социальных процессов постоянно сталкивается с необходимостью встраивания себя в общественные структуры, ежедневно разрешая противоречие между общественными установками социума и собственными личностными характеристиками и устремлениями. В **юридическом дискурсе** человек и его агентные характеристики являются объектом изучения

¹ В англоязычном философско-социальном дискурсе обозначается как Free Agency Principle.

с точки зрения контроля и ответственности за свои поступки; показательно, что в исторической перспективе одушевленность не являлась обязательным критерием, необходимым агенту для обладания правами и реализации своих намерений, — в законодательствах некоторых государств в разное время юридическими правами обладали корабли, храмы, умершие люди, духи и т. д.; учитываются ограничительные критерии по полу (права женщин в Средние века или в разных формах государственного устройства), социальному статусу (границы самостоятельности принятия решений в супружеских взаимоотношениях), возрасту (ограничения возможности голосования и т. д.). В современной юридической литературе активно дискутируются законодательные и этические вопросы о гражданской и юридической ответственности искусственного интеллекта, затрагивающие принципиальные моменты относительно возможности признания агентности у таких участников процесса, как искусственно созданная сущность.

Проблема наделения механизмов агентными свойствами была поставлена **в научно-технической сфере** сравнительно недавно, в результате выделения в отдельную научную область исследований интеллектуальных систем, что высветило онтологические аспекты функционирования искусственных, программных, механистических агентов. Показательно, что одним из первых и ведущих направлений разработки искусственного интеллекта было (и продолжает оставаться) обеспечение *автономности* человекоподобных агентов; как физической, так и мыслительной, что поднимает широкий спектр этических вопросов, так как вынужденное доверие искусственному интеллекту в вопросах волеизъявления, лишение предсказуемости в принятии решений влечет за собой не только спектр моральных проблем ответственности за принятые искусственным интеллектом решения, но и реальную опасность выхода механистических агентов из-под контроля в результате разработки самогенерируемых кодов и т. д. Осознанность, самостоятельность, способность контролировать происходящее (выйдя из-под контроля разработчика) — постоянно расширяющийся спектр качественных характеристик искусственного интеллекта показывает, что модель агентности в научно-технической сфере неуклонно сближается с моделями естественного интеллекта. Этот перечень во многом пересекается со списком типовых агентных характеристик, описываемых в сферах гуманитарного знания, и требует новых контекстов рассмотрения и методов анализа² примеров специфического агента.

Нетипичные проявления агентных характеристик наблюдаются и в **религиозном дискурсе**. Онтологические представления о метафизической стороне личности, с одной стороны, представляют человека как уникальную и неповторимую частицу образа и подобия Божьего; с другой стороны, обозначают вопрос о границах между сферами Божественного промысла

² Например, в современной лингвистике все больше внимания привлекают методы сопоставительного анализа речи роботоподобных существ.

и человеческого существования: что человек как агент может изменить в этом мире, а что находится за пределами его возможностей (т. е. выходит за рамки его агентности). В теологических трудах такие неотъемлемые характеристики агента, как целенаправленность и намеренность совершаемых им действий, рассматриваются в особом ракурсе. Если традиционному действию, совершаемому агентом, должен предшествовать этап постановки цели и формирования намерения, то в религиозных ритуальных действиях участием человека предшествует не подвергаемая логической проверке *вера* в действующих богов, духов, предков, а ответственность за выполнение действия путем совершения магического действия возложена на *сверхчеловеческого агента*; при этом результат не будет содержать прямых ощутимых свидетельств работы высших сил (Sørensen, 2007, p. 290–292, 296–297).

Еще одна разновидность агентности, отличающаяся от ее прототипического понимания, — это групповая (коллективная) агентность, которая часто рассматривается в контексте **корпоративной культуры и бизнес-процессов**: анализируются проблемы возложения и распределения ответственности корпоративных агентов, поднимаются вопросы деловой этики и моральной философии, а именно: можно ли атрибутировать свободу воли (как главный компонент агентности) организованным группам, таким как бизнес-корпорации и государства; как утверждается, при этом, с одной стороны, происходит размывание границ возлагаемой на группу ответственности и возникают «проблемы коллективной ответственности», *collective responsibility gaps* (Mansell et al., 2018, p. 7–8); с другой стороны, социальная природа такой ответственности призвана повысить ответственность за происходящее — как следствие, в указанных работах отмечается важность совместного целеполагания (Mansell et al., 2018, p. 10–11).

В **психологии** агентность понимается очень широко; психологический научный дискурс включает в себя такие трактовки термина *agency* (помимо калькированного *чувство агентности*), как: *чувство (свободы) воли*, *чувство ответственности*, *чувство собственной значимости* и др. Наиболее полное определение агентности, затрагивающее сферы как психологии, так и биологии, медицины, нейропсихологии, на наш взгляд, следующее: «субъективное осознание опыта контроля над собой, собственными двигательными актами и, следовательно, над ходом внешних событий» (Yano et al., 2020, p. 1). В рамках данных научных областей рассматривается природа психиатрических и сенсомоторных расстройств, сопровождающихся нарушениями как мозговой, так и двигательной активности человека из-за разрушения цепочек взаимосвязи с внешним миром в силу потери контроля над собственными действиями и реакциями; теория личности в социальной психологии анализирует дихотомию силы ситуации и силы личности, а также механизмы раскрытия уникального личностного потенциала; на стыке с социологией рассматриваются проблемы позиционирования и определения своей мультиидентичности в разных социальных контекстах — эти процессы М. Йоргенсен и Л. Филлипс

называют «психологической инвестицией» людей в определенные дискурсы (Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 192–197), результатом которой может стать отождествление себя с группой или противопоставление своей индивидуальности какому-либо гомогенному социальному классу.

В сфере **образования** субъектами агентности, понимаемой широко как *активная самостоятельность*, выступают все стороны образовательного процесса; здесь наблюдается такое понимание сути агентности, когда «каждый актор (будь то государство, корпорация или человек) позиционируется как легитимный субъект, который не только имеет право на изменение среды в соответствии со своими целями и ценностями, но от которого это ожидается» (Сорокин, 2021, с. 130). Оба этих качества — способность делать выбор при наличии альтернативы (требующий осознанности) и нацеленность на активное изменение среды (подразумевающая способности к целеполаганию и воздействию) подтверждают значимость агентных признаков целенаправленности и автономности в структуре личности, когда акторы³ рассматриваются как «автономные от культурной среды агенты, преследующие личные интересы — в противовес феноменологическому толкованию, которое подчеркивает роль культуры как фактора, задающего не только контекст, который учитывают акторы, но и природу самих акторов» (Там же, с. 133–134).

Итак, результаты рассмотрения процессов становления теорий агентности и агентивности в отечественном и зарубежном дискурсах показали существующие расхождения в формировании списка признаков агенса и его референта, а также в выделении доминирующего агентного/агентивного признака. Данные расхождения объяснимы, так как существующая совокупность характеристик неоднородна; как агентные, так и агентивные признаки сложно вычленить, и еще труднее выстроить их иерархию. Рассмотрим далее последовательно обнаруженные выше совокупности агентивных признаков.

Онтологическое и лингвистическое осмысление признаков агентивности

Обратимся сначала к совокупности признаков, отмеченных в описаниях агентности. Анализ выделенности агентных признаков в разных сферах общественной жизни показал, что прототип агента как активного субъекта социальных процессов должен обладать:

1) способностью выступать **инициатором или причиной действия**, приводящего к изменениям окружающей среды: прототипичный агент оказывает влияние на мир и вызывает изменения в нем, включая себя как объект

³ П. С. Сорокин употребляет термин «актор», который, в отличие от агента, в нашем представлении не только акцентирует агентивный потенциал субъекта, но и подчеркивает в первую очередь его активную реализацию.

изменений. А. Дуранти в работе по лингвистической антропологии обобщает такое свойство, как «вовлеченность в каузативную цепочку», и называет его обязательным признаком агентности/агентивности, а остальные признаки (волеизъявление, целеполагание и т. д.) предлагает учитывать опционально (Duranti, 2004, p. 454). Для выполнения данного требования необходимо быть способным **осознанно и самостоятельно** совершать действия, что обеспечивается или одушевленностью как врожденным свойством человеческой особи, или антропоморфными характеристиками, приписываемыми специфическим, нетривиальным агентам, функционирующим в технических, религиозных и других дискурсах;

2) **волей**, понимаемой как сознательная психическая активность, регулирующая деятельность человека при совершении им целенаправленных мотивированных действий, что подразумевает наличие этапов осознанного принятия и исполнения решения. Такое широкое понимание воли как способности человека к саморегуляции позволяет нам объединить описанные ранее агентные характеристики воли, целеполагания, ответственности, способности принимать решения и осуществлять контроль за их исполнением в единый кластер признаков «воля», содержащий все компоненты волевого начала. Н. Д. Арутюнова подчеркивает включенность сознания и намеренности в волевые процессы следующим образом: «Действуя “по вольному хотению”, человек часто поступает безрассудно, но в его безрассудстве участвует рассудок (сознание): не случайно слова невольный, невольно, непроизвольно, характеризующие нечаянные, спонтанные действия, включают отрицание, т. е. отстраняют участие воли, имплицитующей наличие сознания и даже намерения» (Арутюнова, 2003, с. 85). Исходя из вышесказанного, мы будем понимать волю комплексно;

3) **уникальностью**, способностью человека взаимодействовать внутри социальной структуры как независимая личность, выступать как обособленный индивидум и отстаивать свои интересы.

Таким образом, результаты обзора характеристик деятельностного потенциала агента показывают их относительную общность с выделенными в первом разделе работы признаками агентивности. В структуре агента, функционирующего в каждой из сфер общественной жизни, акцентируются качества, связанные с индивидуальностью, самостоятельностью, способностью принимать решения и нести за них ответственность. Далее указанные признаки будут систематизированы и соотнесены с возможными лингвистическими средствами их репрезентации. Иными словами, будут рассмотрены механизмы объективации агентных признаков в языке, что позволит проследить, каким образом сущностные характеристики человека как субъекта (воз)действия проявляются в его языковом бытии. Выявленное многообразие агентных и агентивных признаков, а также проблема невыраженности единственного ведущего признака обращают нас к рассмотрению возможных путей их иерархизации.

Одной из методологических попыток, способных снять неоднородность агентивных характеристик, видится подход, учитывающий не значимость каждого признака в отдельности с последующим ранжированием, а их совокупность. И. Шлезингер в 1989 году предлагал ввести «порог вхождения» в категорию агентивности, определяемый не строгим набором необходимых и достаточных признаков, а перечнем «некритических признаков, которые в сумме должны превысить порог вхождения», обозначая такую совокупность, как *cluster concept* (Schlesinger, 1989, p. 207). Д. Даути развивает эту идею на материале проторолей, обозначая схожую идею порога как *degree of membership* (значимость веса) для каждого признака и предлагая такую схему измерения прототипичности агенса и пациенса, когда в определении степени агентивности языковой единицы не следует опираться на полный набор всех агентивных/пациентивных характеристик и их трудно ранжируемую значимость, а скорее, показательным будет их количество: «типы ролей — это не дискретные категории, а кластерная общность» (Dowty, 1991, p. 571), вводя таким образом принцип *накапливания* признаков в описание процессов категоризации. Еще один способ измерения агентивности — скалярный подход, в рамках которого определенные аргументы или участники анализируются как более прототипически агентивные, чем другие (Grimm, 2011). Считаем необходимым объединить эти два подхода: выделим как обязательные, так и вариативные агентивные признаки.

В определении первого обязательного признака будем руководствоваться прототипическим описанием агентивной конструкции Дж. Лакоффа, требующим включения второго участника ситуации (Лакофф, 1981, с. 358), а также положениями И. Шлезингера (Schlesinger, 1989), С. ДеЛэнси (DeLancey, 1990) и др. об обязательности наличия в структуре высказывания причинности (*causality*) — каузативного компонента высказывания. Соответственно, одним из грамматических маркеров агентивности служит наличие второго участника ситуации, выражаемое синтаксически через открытую позицию объектного аргумента, подвергаемого изменению путем выполнения действия, обозначенного предикатом (что онтологически восходит к способности агента изменять окружающий мир).

Следовательно, субъект должен обладать способностью оказывать это воздействие, что дает второй обязательный агентивный признак — **автономность**, который соотносится с агентными характеристиками независимости и самостоятельности в процессе осуществления действия. Эта автономность обеспечивается наличием источника энергии, облигаторность которого подчеркивается практически во всех работах по агентивности, равно как и агентности (начиная с исходного положения естественных наук о принципах передачи физической энергии и обязательности наличия ее первичного источника). Этот источник может быть внутренним — у одушевленных существ (соответственно, грамматический признак одушевленности также является обязательным агентивным

признаком); и внешним — когда приток энергии обеспечивается кинетической или потенциальной энергией (имеющейся у объекта в связи с его положением относительно других объектов), например: *ступени лестницы холодили мне ноги*, или пример Д. Круза: *эти колонны удерживают вес фронтона*, см. и другие случаи обладания «временной агентивностью» типа *пуля, поражающая человека* или *компьютер, осуществляющий расчеты* (Cruse, 1973, р. 6–17, 19). Например, в японском языке допускается употребление механизмов и техногенных явлений в качестве неодушевленного каузатора: *тё: он ва синкэй о махи сасэру кото ни нару камо сирэннай* «ультразвук может парализовать человека»⁴; технологии мыслятся здесь как инструмент человеческой деятельности. Таким образом, в случае внешнего обеспечения энергией мы имеем дело с заданной человеком, приписанной одушевленностью. При этом природные силы обладают условной автономностью благодаря наличию у них внутренних источников энергии, не поддерживаемых человеком (который, исходя из нашего онтологического допущения, стоит, например, за действиями компьютера или пули). В японском языке природные явления практически свободно допускаются на высокоагентивные позиции: *омой хасу но ха о урагаэсу ходо но кадзэ* «такой сильный ветер, который может перевернуть тяжелые листья лотоса»⁵; *юки га карада о фукитаосита* «снег сбивал нас с ног»⁶; природные силы в представлении японцев наделены значительной внутренней мощностью (что обусловлено в том числе и синтоистскими верованиями японцев, обожествляющих природные явления). Важно подчеркнуть, что производителя действия в его языковой проявленности будем определять по самому ближайшему аргументу вне зависимости от его (не) одушевленности, а степень выраженности признака автономности будет измеряться семантическим расстоянием до логического каузатора (преимущественно — человека; *primary causal factor*, как это называет С. ДеЛэнси (DeLancey, 1990, р. 144)).

Остальные агентивные метрики мы относим к вариативным. Во-первых, это комплекс признаков, сопряженный с **волеизъявлением** (волитивность, намеренность, контроль); они объективируют в языке характеристики личности, связанные с волевым началом, что проявляется в способности соответствующего аргумента выступать субъектом волевого предиката. Грамматически наличие этих признаков волитивности, контролируемости, намеренности проверяется тестом на императив: при одушевленном субъекте императив отделяет неволевые глаголы (ср. *Позвони!*, но **Пострадай!*), а предикаты, субъектам которых одушевленность ситуативно приписана⁷, не проходят этот тест с любыми

⁴ К. Хигасино. Тантэй Гарирэо («Детектив Галилей»). Все примеры из японских художественных произведений приводятся из неопубликованных электронных вариантов текстов, используемых автором в ходе текущей работы в рамках проекта с Национальным корпусом русского языка.

⁵ Я. Кавабата. Бо:си дзикэн («Шляпа»).

⁶ В. Каверин. «Два капитана» (в пер. Г. Ирия).

⁷ Мы используем термин «ситуативная одушевленность», так как неодушевленный субъект наделяется ею только в конкретном контексте.

глаголами, так как императив в их отношении неприемлем из-за отсутствия канала коммуникации с неодушевленным агенсом в силу невыраженности у него способности к восприятию (*sentience*): в примерах выше мы не можем обратиться к ступеням: **Охладите!* или к колоннам: **Держите портик!*, хотя в случае одушевленного адресата такое указание могло бы быть выполнено и тест был бы пройден; для проверки таких признаков также могут быть использованы тесты на инициативность, осознаваемость и другие, подробнее см.: (Шабанова, 1998). О. А. Сулейманова дает большое количество разнообразных диагностических контекстов для выявления таких вариантов (не)соответствия субъекта агентивным и/или безличным языковым моделям (Сулейманова, 2000, с. 190–196). То же с природными силами: *дождь освежил меня* → **Освежи!* (дождю) или с предметным миром: *молоко обожгло руку* → **Обожги руку!* (молоку).

В целом признаки, связанные с волеизъявлением, вариативны, так как воздействие может быть осуществлено без учета воли каузатора, ненамеренно, бесконтрольно; субъект агентивной конструкции в таком случае будет в разной степени удален от прототипа. Как указывает Т. Д. Шабанова, «тест на императивность безусловно позволяет установить присутствие волеизъявления со стороны субъекта и наличие силы, в результате приложения которой имеет место действие. Однако сила <...> может прилагаться без волеизъявления» (Шабанова, 1998, с. 30). Нижеследующие примеры из японской публицистической и художественной литературы описывают такие ситуации ненамеренного, случайного воздействия, невозможности осуществить контроль или неосознанного влияния, прежде всего с одушевленным субъектом: невольно причиненные огорчения *карэси кара шумо канасимасэтэ гомэн то иварэру* «мой парень всегда извиняется, когда меня огорчает»⁸; произвольная смена манеры выражаться под воздействием окружающих *Идзуми-сан то Сугавара-сан о миккусу сасэта моно га ватаси но сябэриката ни наттэ иру* «разговариваю, смешивая манеру выражаться Идзуми-сан и Сугавара-сан»⁹; ненамеренно производимые звуки *кайдан о гатагата ивасэнагара* досл. «заставляя сапоги стучать по лестнице»¹⁰; инстинктивные бессознательные движения тела: *биккури суру ходо синтай о фурувасэтэ* «вздрогнув от неожиданности»¹¹ — языковое представление соматической сферы в японском языке грамматически очень высокоагентивно; нормой считаются конструкции типа *убить дыхание* в значении «молчать», *всунуть рот* в знач. «вмешаться», *бросить лицо в подушку* в значении «упасть на кровать», *заставить глаза блеснуть*, *разрешишь слезам литься* и т. п.; подробнее о высокоагентивности японских соматических конструкций в (Стрижак, 2024). В случае с неодушевленным субъектом это может быть

⁸ Веб-корпус Tsukuba (TWC), разработанный совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Институтом языка Лаго: NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus (<https://nlb.ninjal.ac.jp>).

⁹ С. Мурата. Комбини нингэн («Человек-комбини»).

¹⁰ С. Эндо. Уми то докюяку («Море и яд»).

¹¹ С. Мурата. Комбини нингэн («Человек-комбини»).

физическое, механическое воздействие на человека субъектом, не обладающим способностью к волеизъявлению: *курума ва ватаси о тобасу* «машина уносит меня»¹² — здесь акцентируется функциональное предназначение машины, которая увозит женщину от любимого человека против ее воли; физиологическое воздействие: *ниои га <...> Сугуро но мунэ о мукамука то сасэта* «запах приводил Сугуро в состояние тошноты»¹³ — на человека оказывает влияние естественный по своей природной сути раздражитель органа чувств; психическое воздействие: *хито о уокасу но ва кандо*: «людьми движут эмоции»¹⁴. Высокоагентивные конструкции могут описывать ситуации и с (взаимо)воздействием неодушевленных актантов, особенно в случае их физического или онтологического единства: *басу ва дзэмбито: о тэммэцу сасэнагара* «автобус, мигая габаритными огнями»¹⁵; в похожих описаниях встречаются конструкции «заставив взречь свой мотор» или еще более подробные «заставив скрипеть свои передаточные механизмы» с очевидно выраженным намерением завести мотор с последующим контролем данного процесса, но не в силу своих возможностей, а благодаря встроенным внутренним свойствам; частотны примеры и из соматической сферы: *синдзо: ва <...> : нэцу о мэгурасэта* «сердце волнами гнало жар»¹⁶ в описании восторженных детских ощущений. Все вышеперечисленные глаголы не проходят тест на императив — некоторые в силу семантики предиката, некоторые в силу неспособности к осознанным действиям неодушевленных субъектов. Тем не менее данные конструкции описывают достаточно высокоагентивные процессы, приводящие к изменениям объекта.

Во-вторых, это **индивидуализированность** как оформленность в языке уникальности и неповторимости личности; уникальность референта как объекта внеязыковой действительности может быть обусловлена его личностными особенностями — *гений*; естественной природной сущностью — *мать*; социальной ролью — *муж* и др. Этот признак может быть измерен выраженностью таких показателей, как собственность (нарицательность) имени, одушевленность, категория числа. Первый и второй показатели понятны интуитивно (имя собственное индивидуализирует человека как уникальную единицу живого мира), но в отношении последнего следует отметить, что в классификации П. Хоппера и С. Томпсон (Hopper & Thompson, 1980, p. 252–253) и ряде других работ отмечается, что единственное число усиливает индивидуализацию актанта. Действительно, выделенность *одного* подчеркивает его качества, а приписывание свойств или действий какому-либо *множеству* размывает предикатный фокус между его членами. Но в языках с необязательной и/или слабовыраженной категорией числа (к которым относится и японский) представляется необходимым

¹² Х. Каваками. Сэнсэй но кабан («Портфель учителя»).

¹³ С. Эндо. Уми то докюяку («Море и яд»).

¹⁴ Веб-корпус Tsukuba (TWC). URL: <https://nlb.ninjal.ac.jp>

¹⁵ Р. Мураками. Басу («Автобус»).

¹⁶ Р. Усами. Оси, мою («Моего айдола обижают»).

учитывать любое проявление числа, как единичности, так и множественности, как индивидуализирующую характеристику. Например, в японском стихотворении *В день рождения открытку купив болтливую, горсткой иероглифов заполняю пустое пространство в себе*¹⁷ иероглифы, употребленные во множественном числе *модзи-тати*, хотя японский язык в большинстве случаев этого не требует, нарочито подчеркивают мучительное одиночество героини и отсутствие ожидаемых поздравлений, которое заполняют *хотя бы* иероглифы на открытке, компенсируя недостающее количество друзей — так акцентируется агентивная роль иероглифов в данном контексте.

Соотнесем выделенные агентные характеристики личности, составляющие ее деятельностьный потенциал, с агентивными признаками (см. табл.).

Следует отметить также, что агентивность показывает степень выраженности в высказывании определенных характеристик референтов как субъекта, так и объекта — к прототипическому агентивному объекту можно отнести те же признаки: например, в высказывании *ребенок запустил бумажный самолетик* объект становится условно автономным, обретая источник кинетической энергии. Наиболее близкие к прототипу примеры из японских текстов также подтверждают наличие необходимых агентивных признаков у объекта: *мэганэ о кирари то ханся сасэнагара карэ* «он, блеснув очками», досл. «заставив свои очки блеснуть»¹⁸, *хаманасу га хана о сакасэтэ* «шиповник расцвел», досл. «побудил свои цветы распуститься»¹⁹, *отоко но хито га дзубон но сусо ни доро о кобирицукасэта мама* «мужчины, не отряхивая грязь, прилипшую к штанинам», досл. «грязь, которую мужчины заставили прилипнуть к штанинам»²⁰ — очевидно, что *очки* обладают необходимым свойством отражать свет, причем автономно, вне зависимости от желания человека; *грязь* имеет свойство липнуть за счет вязкости и других физических свойств; а *растения* обладают органически обусловленным потенциалом для цветения. Таким образом, во всех примерах объекты, не будучи одушевленными, тем не менее являются объектными аргументами волевых предикатов и неотъемлемыми элементами каузальных цепочек.

Выводы

В данной работе были рассмотрены вопросы соотнесенности *агентности* и *агентивности* как понятий социальной и лингвистической наук, для чего были исследованы теория агентивности как лингвистической категории, репрезентирующей в языке особенности взаимовлияния человека и мира,

¹⁷ М. Тавара Сарада никки («Именины салата», пер. Д. Коваленина).

¹⁸ С. Эндо. Уми то докюяку («Море и яд»).

¹⁹ Т. Миура. Пантомайму («Пантомима»).

²⁰ Р. Усами. Оси, мою («Моего айдола обижают»).

Таблица / Table

**Соотнесенность агентных характеристик личности и агентивных свойств
соответствующей языковой единицы**

**Correlation of agentic characteristics of personality and agentic properties
of the corresponding linguistic unit**

Характеристика личности (агентные свойства)	Направленность связи	Характеристика языковой конструкции (агентивные свойства)		Морфосинтаксические признаки
Проактивность, способность выступать причиной события и изменять окружающую среду	↔	Каузальность	Наличие второго участника	Открытая позиция объектного аргумента
			Степень вовлеченности второго участника	Падежное оформление соответствующей семантической роли
			Динамические (статические) свойства предиката	Акциональный класс, залоговые формы
Самостоятельность, независимость	↔	Автономность (наличие источника энергии)	Биологическая одушевленность (наличие способности к восприятию)	Ближайший аргумент, расстояние до логического каузатора
			Ситуативная одушевленность (приписанная в моменте)	
Воля	↔	Волеизъявление	Волеитивность	Прохождение предикатом теста на императив
			Намеренность	
			Контроль	
Уникальность	↔	Индивидуализированность		Собственность (нарицательность) имени
				Категория числа

и теория агентности как деятельностного потенциала, порождающего действие, изменяющее структуру окружающей среды. Было отмечено, что изучение агентивности сопровождается терминологической неоднозначностью в дифференциации исходных англоязычных понятий *agency* и *agentivity*, а также терминов, используемых в русскоязычном научном поле: агентность и агентивность. Это смешение обусловлено одновременностью принадлежности агента как субъекта действия к реальному миру, где он выступает носителем деятельностного потенциала, и его существованием в объективированном языковом пространстве, где значимым становится уже не наличие свойств, а их выраженность в языке. Для снятия этой понятийной нечеткости в работе было осуществлено терминологическое разграничение между агентностью реально существующего субъекта (его деятельностным потенциалом) и агентивностью, реализуемой в языковом высказывании. Далее было определено, что *агентивность* как семантическая категория отражает способность участников ситуации оказывать или принимать воздействие, приводящее к их изменению; данная способность выражается в совокупности признаков каузальности, автономности, волеизъявления и индивидуализированности, приписываемых всем элементам актантно-предикатной структуры высказывания. Онтологическую основу этих свойств составляет соотносимый с выделенными выше агентивными признаками личностно-деятельностный потенциал *агента* как референта субъектного или объектного актанта, проявляемый им в реальном мире.

Существующая неоднородность признакового поля побудила нас выделить несколько основных кластеров признаков, связанных с причинностью как фактором изменений; с автономностью, обеспечиваемой наличием источника энергии; с совокупностью волеизъявительных характеристик и индивидуализированностью, также выражаемой комплексно. Данные кластеры были иерархизированы: к обязательным агентивным признакам были отнесены причинность как основной фактор происходящих изменений и автономность, обусловленная одушевленностью, реальной или приписываемой; к вариативным признакам были отнесены характеристики, связанные с волевым началом и индивидуальными характеристиками участников ситуации. Данные положения были проиллюстрированы примерами из публицистических и художественных японских текстов, которые показали неоднозначность семантики воздействия в структуре предикатов агентивных конструкций, а также неоднородность комбинаций агентивных признаков участников ситуации, как субъекта, так и объекта, которые, даже будучи неодушевленными, могут выступать участниками каузальных процессов.

Список источников

1. Cruse, D. A. (1973). Some thoughts on agentivity. *Journal of Linguistics*, 9(1), 11–23.
2. Fillmore, Ch. (1968). The case for case. In E. Bach and R. T. Harms (Eds.). *Universals in linguistic theory* (p. 1–25).
3. Филлмор, Ч. (1983). Основные проблемы лексической семантики. *Новое в зарубежной лингвистике*, XII, 74–122.
4. Comrie, B. (1978). Ergativity. In *Syntactic typology*. Austin L. <https://lrc.la.utexas.edu/books/typology/7-ergativity>
5. Hopper, P. J., & Thompson, S. A. (1980). Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 56(2), 251–299.
6. Лакофф, Дж. (1981). Лингвистические гештальты. *Новое в зарубежной лингвистике*, X, 350–372.
7. DeLancey, S. (1984). Notes on agentivity and causation. *Studies in language*, 8, 181–213.
8. DeLancey, S. (1990). Crosslinguistic evidence for the structure of the agent prototype. *Papers and Reports on Child Language Development* 29 (p. 141–147). Stanford University.
9. Рахилина, Е. В., & Тестелец, Я. Г. (2016). Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка. *Вопросы языкознания*, 2, 7–21.
10. Фомина, М. А. (2022). Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(48), 126–136. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2022.48.4.10>
11. Позднякова, Е. М. (2017). Событие как когнитивная структура. В В. И. Заботкина (Ред.). *Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук* (с. 93–111). Языки славянской культуры.
12. *Лингвистический энциклопедический словарь*. (1990). (Гл. ред. Ярцева В. Н.). Советская энциклопедия. <https://tapemark.narod.ru/les/017b.html>
13. Бондарко, А. В. (1992). К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений. *Вопросы языкознания*, 5, 5–20.
14. Шабанова, Т. Д. (1998). *Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Уфа].
15. Сулейманова, О. А. (2000). *Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. Москва].
16. Болдырев, Н. Н. (2003). Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола. *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность* (с. 54–74). Наука.
17. Селиверстова, О. Н. (1990). *Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания)*. Наука.
18. Плунгян, В. А. (2011). *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. РГГУ.
19. Тестелец, Я. Г. (2003). *Грамматические иерархии и типология предложения* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Москва].

20. Арутюнова, Н. Д. (1976). *Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы*. Наука.
21. Падучева, Е. В. (2003). Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола. *Русский язык в научном освещении*, 2(6), 192–216.
22. Устинова, Е. В. (2007). *Функционально-семантическое поле агентивности/неагентивности в современном русском литературном языке XX – нач. XXI вв.* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов-на-Дону].
23. Князев, Ю. П. (2016). Агентивность как шкала градаций. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 14, 146–155.
24. Витгенштейн, Л. (2020). *Логико-философский трактат*. АСТ.
25. Sørensen, J. (2007). Acts that work: a cognitive approach to ritual agency. *Method and theory in the study of religion*, 19, 281–300.
26. Mansell, S., Ferguson, J., Gindis, D., & Pasternak, A. (2018). Rethinking Corporate Agency in Business, Philosophy and Law. *Journal of Business Ethics*, 154(3), 1–17.
27. Yano, S., Hayashi, Yo., Murata, Yu., Imamizu, H., Maeda, T., & Kondo, T. (2020). Statistical learning model of the sense of agency. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–13.
28. Йоргенсен, М. В., & Филлипс, Л. Дж. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Гуманитарный центр.
29. Сорокин, П. С. (2021). «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 21(1), 124–138.
30. Duranti, A. (2004). Agency in Language. *A Companion to Linguistic Anthropology* (p. 451–473). Blackwell Publishing Ltd.
31. Арутюнова, Н. Д. (2003). Воля и свобода. В Н. Д. Арутюнова (Ред.). *Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка* (с. 73–99). Индрик.
32. Schlesinger, I. M. (1989). Instruments as Agents: On the Nature of Semantic Relations. *Journal of Linguistics*, 25(1), 189–210.
33. Dowty, D. (1991). Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67(3), 547–619.
34. Grimm, S. (2011). Semantics of case. *Morphology*, 21(3–4), 515–544.
35. Стрижак, У. П. (2024). Японская агентивность: языковое поведение соматических актантов (на материале корпусных данных). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, 16(1), 113–133.

References

1. Cruse, D. A. (1973). Some thoughts on agentivity. *Journal of Linguistics*, 9(1), 11–23.
2. Fillmore, Ch. (1968). The case for case. In: E. Bach and R. T. Harms (Eds.). *Universals in linguistic theory* (p. 1–25).
3. Fillmore, Ch. (1983). Basic problems of lexical semantics. *New in Foreign Linguistics*, XII, 74–122. (In Russ.).
4. Comrie, B. (1978). Ergativity. *Syntactic typology*. Austin L. <https://lrc.la.utexas.edu/books/typology/7-ergativity>
5. Hopper, P. J., & Thompson, S. A. (1980). Transitivity in grammar and discourse. *Language*, 56(2), 251–299.

6. Lakoff, G. (1981). Linguistic Gestalts. *New in Foreign Linguistics*, X, 350–372. (In Russ.).
7. DeLancey, S. (1984). Notes on agentivity and causation. *Studies in language*, 8, 181–213.
8. DeLancey, S. (1990). Crosslinguistic evidence for the structure of the agent prototype. *Papers and Reports on Child Language Development* 29 (p. 141–147). Stanford University.
9. Rakhilina, E. V., & Testeleets, Ya. G. (2016). Charles Fillmore's legacy and modern theoretical linguistics. *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 7–21. (In Russ.).
10. Fomina, M. A. (2022). Subject in Russian models that convey information about elemental forces of nature and their semantic component being active (+ / –). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(48), 126–136. <https://www.doi.org/10.25688/2076-913X.2022.48.4.10> (In Russ.).
11. Pozdnyakova, E. M. (2017). Event as a cognitive structure. In V. I. Zabotkina (Eds.). *Representation of events: an integrated approach from the standpoint of cognitive sciences* (p. 93–111). Languages of Slavic culture. (In Russ.).
12. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. (1990). V. N. Yartseva (Ed.). Soviet Encyclopedia. <https://tapemark.narod.ru/les/017b.html> (In Russ.).
13. Bondarko, A. V. (1992). On the problem of the relationship between universal and idioethnic aspects of semantics: the interpretative component of grammatical meanings. *Voprosy Yazykoznaniya*, 5, 5–20. (In Russ.).
14. Shabanova, T. D. (1998). *Semantic model of English sight verbs: a theoretical and experimental study* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.04. Ufa]. (In Russ.).
15. Suleimanova, O. A. (2000). *Relevant types of impersonal syntactic structures and their semantic correlates* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.19, 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
16. Boldyrev, N. N. (2003). Invariants and prototypes in systemic and functional categorization of the English verb. In *Problems of functional grammar: semantic invariance/variability* (p. 54–74). Nauka. (In Russ.).
17. Seliverstova, O. N. (1990). *Contrastive syntactic semantics: (an attempt at description)*. Nauka. (In Russ.).
18. Plungyan, V. A. (2011). *Introducing grammatical semantics: grammatical values and grammatical systems in the world's languages*. RSUH. (In Russ.).
19. Testeleets, Ya. G. (2003). *Grammatical hierarchy and the typology of a sentence* [Dissertation ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.20. Moscow]. (In Russ.).
20. Arutyunova, N. D. (1976). *The sentence and its meaning: logical and semantic problems*. Science. (In Russ.).
21. Paducheva, E. V. (2003). Taxonomic category as a parameter of verb lexical meaning. *Russian Language in Scientific Illumination*, 2(6), 192–216. (In Russ.).
22. Ustinova, E. V. (2007). *The functional and semantic field of agency/non-agency in the modern Russian literary language of the 20th-early 21st centuries* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Rostov-on-Don]. (In Russ.).
23. Knyazev, Yu. P. (2016). Agency as a gradation scale. *Psixolingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti*, 14, 146–155. (In Russ.).
24. Wittgenstein, L. (2020). *Tractatus logico-philosophicus*. AST. (In Russ.).

25. Sørensen, J. (2007). Acts that work: a cognitive approach to ritual agency. *Method and theory in the study of religion*, 19, 281–300.
26. Mansell, S., Ferguson, J., Gindis, D., & Pasternak, A. (2018). Rethinking corporate agency in business, philosophy and law. *Journal of Business Ethics*, 154(3), 1–17.
27. Yano, S., Hayashi, Yo., Murata, Yu., Imamizu, H., Maeda, T., & Kondo, T. (2020). Statistical learning model of the sense of agency. *Frontiers in Psychology*, 11, 1–13.
28. Jorgensen, M. W., & Phillips, L. J. (2008). *Discourse Analysis. Theory and Method*. Humanitarian Center. (In Russ.).
29. Sorokin, P. S. (2021). «Transforming Agency» as a Subject of Sociological Analysis: Contemporary Debates and the Role of Education. *RUDN Journal of Sociology*, 21(1), 124–138. (In Russ.).
30. Duranti, A. (2004). Agency in Language. *A Companion to linguistic anthropology* (p. 451–473). Blackwell Publishing Ltd.
31. Arutyunova, N. D. (2003). Will and Freedom. In N. D. Arutyunova (Eds.). *Logical analysis of language. Cosmos and chaos. Conceptual fields of order and disorder* (p. 73–99). Indrik. (In Russ.).
32. Schlesinger, I. M. (1989). Instruments as agents: on the nature of semantic relations. *Journal of Linguistics*, 25(1), 189–210.
33. Dowty, D. (1991). Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67(3), 547–619.
34. Grimm, S. (2011). Semantics of case. *Morphology*, 21(3–4), 515–544.
35. Strizhak, U. P. (2024). Japanese agentivity: linguistic behavior of somatic actants (based on corpus data). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, 2024, 16(1), 113–133. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Ульяна Петровна Стрижак — кандидат педагогических наук, доцент, академический руководитель образовательной программы «Востоковедение» факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Uliana P. Strizhak — PhD (Pedagogy), Associate Professor, Academic Supervisor of «Asian Studies» Educational Program of Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.